

ПАХОМОВСКИЕ ДРЕВНОСТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

А.В. Матвеев*, В.М. Костомаров**

Изложены основные позиции авторов по проблемам пахомовской культуры. Проанализирована совокупность материала, полученного при исследовании памятников эпохи поздней бронзы Западной Сибири. Уточнен ареал, выделены особенности расселения носителей пахомовской культуры. Приведены данные по керамике и культурным индикаторам пахомовских древностей.

Пахомовская культура, Притоболье, Прииртышье, керамика, орнаментация, статистический анализ, культурогенез, соотношение групп, специфика культуры.

За последнее время было много сделано в области разработки проблем, связанных с древностями постфедоровского периода эпохи бронзы. Термин «древности» мы используем не случайно: по археологическому содержанию он может полностью отождествляться с такими понятиями, как «тип памятников» или «археологическая культура», подразумевающими конкретную группу населения, оставившую памятники и артефакты, объединяемые общими признаками, которые проявились в материальной культуре, погребальном обряде и т.д.

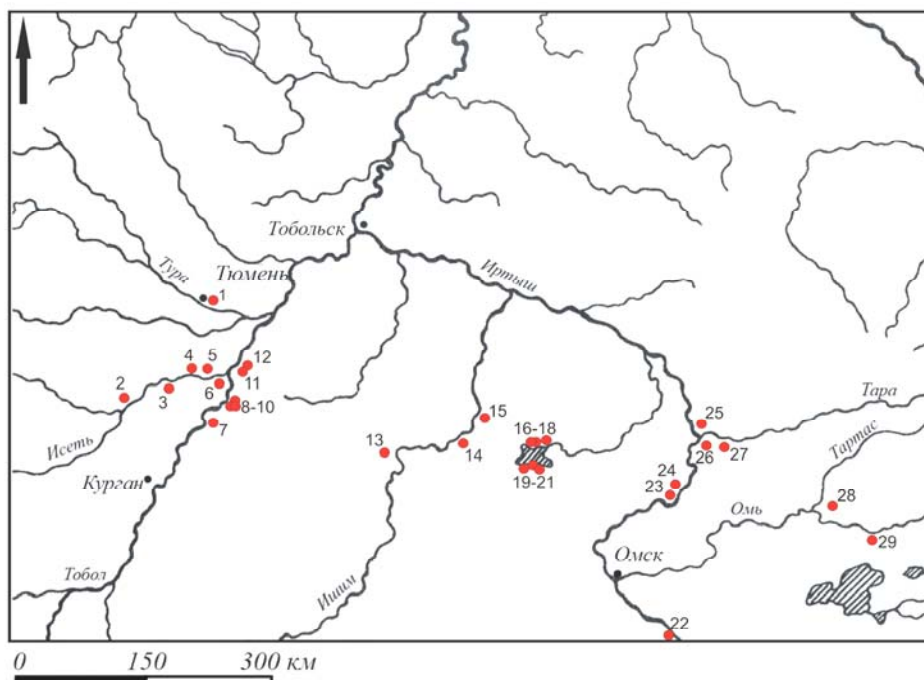
История изучения пахомовской культуры продолжается более двух десятилетий [Корочкова, 1987; Генинг, Стефанов 1991; Евдокимов, Корочкова, 1991; Матвеев, Чикунова, 1999]. Несмотря на то что недавно вышли обобщающие работы, посвященные пахомовской культуре [Корочкова, 2009, 2010], мы считаем возможным вернуться к данной теме, так как располагаем новыми данными [Матвеев и др., 2003; Матвеев, Аношко, 2009; Аношко, Агапетова, 2010; Костомаров, 2010; Костомарова и др., 2011]. Приведенные нами материалы памятников Тоболо-Исетского междуречья позволяют несколько по-иному относительно концепции О.Н. Корочковой взглянуть на проблемы развития носителей пахомовской культуры, оценить направления их связей и в целом определить место пахомовских древностей в культурно-хронологической шкале Сибири¹.

С выделением пахомовской культуры началось переосмысление и поиск новых схем культурогенеза андронидного населения Западной Сибири. Помимо культур уже хорошо изученного межовско-ирменского культурно-хронологического пласта была введена еще одна территориально-хронологическая единица — пахомовско-ордынский пласт [Корочкова, 1987]. Он объединял культуры, наиболее близкие по хронологии к андроновским древностям, — памятники пахомовского, черкакульского и ордынского типов. Это было абсолютно обоснованно, так как позволило исследователю культурно и хронологически отделить андроновские комплексы от карасукских в понимании основоположников изучения бронзового века Сибири [Теплоухов, 1927, 1929; Грязнов, 1956]. Позднее О.Н. Корочкова предложила объединить пахомовские и ордынские комплексы в рамках одной культуры, что представляется малооправданным из-за существенного территориального разрыва [Корочкова, 1993, с. 93–95]. С середины 1990-х гг. проводятся планомерные полевые исследования и выходят новые работы по данной тематике [Потемкина и др., 1995; Матвеев и др., 2003, 2004; Корочкова, 2009, 2010; Аношко, 2006; Матвеев, Аношко, 2009; Аношко, Агапетова, 2010]. И сегодня пахомовская проблематика не утратила актуальности в свете появления новых источников.

Исследователи ранее определили основные очертания пахомовского ареала, мы хотим внести лишь некоторые уточнения. Ареал пахомовской культуры включает в себя лесостепные участки Тюменского Притоболья и Ишимо-Иртышья (рис. 1). Один из памятников расположен в зоне подтайги (поселение Большой Имбиряй 10), одно из поселений (Жар-Агач I) — в степной зоне. Географически памятники принадлежат к бассейнам трех крупных рек — Тобола, Ишима и Иртыша. Топографически они тяготеют к водоемам, большинство из которых реки, и только в трех случаях (поселения Усть-Китерьма I и IV и Пахомовская Пристань I) локализованы на берегах крупных озер. Объекты находятся на наиболее возвышенных гипсометрических отметках, в 20–100 м от кромки воды на современном уровне.

¹ Выражаем искреннюю благодарность своим коллегам В.И. Молодину, О.Н. Корочковой, А.В. Полеводову, Н.П. Матвеевой за помощь и возможность использовать материалы памятников.

Пахомовские древности Западной Сибири

Рис. 1. Карта расположения памятников пахомовской культуры:

- 1 — Борки; 2 — могильник Усть-Терсюковский 2; 3 — Ботники 1в; 4 — Сосновка 10 (Яр); 5 — Оськино Болото; 6 — Ак-Паш; 7 — Ново-Шадрино VII; 8 — Заводоуковское 11; 9 — Ук III; 10 — Ук VI, XIV; 11 — Большой Имбиряй 2; 12 — Большой Имбиряй 10; 13 — Пахомовская Пристань I; 14 — Лихачевский могильник; 15 — Ир II; 16 — Новокарасук XVI; 17 — Усть-Логатка 5б; 18 — Усть-Логатка 37; 19 — Крутинка II; 20 — Усть-Китерьма I; 21 — Усть-Китерьма IV; 22 — Жар-Агач I; 23 — Черноозерье II; 24 — Инберень IV; 25 — Прорва; 26 — Алексеевка XXI; 27 — Окунево X; 28 — могильник Старый Сад; 29 — могильник Гришкина Заимка

Сооружения на селищах, скорее всего, расположены вытянуто по одной линии вдоль берега. При этом там, где удалось зафиксировать вход в сооружение, он был ориентирован в сторону водоема. С некоторой долей вероятности можно предположить уличную планировку селищ.

Жилища представлены почти на всех поселенческих комплексах. На сегодняшний день изучено 14 сооружений пахомовской культуры. В основном это одно-, реже — двухкамерные постройки средней площадью до 80 м², углубленные в материк на 30–50 см [Очерки культурогенеза..., 1995, с. 147–152]. Исключение составляет многокамерная постройка, обнаруженная А.А. Ткачевым на поселении Оськино Болото. Камеры сооружений на этом памятнике соединены коридорообразными перемычками, фиксирующимися на материке в виде углублений [Ткачев, Ткачева, 2006, с. 241].

Интерьер пахомовских жилищ достаточно прост. Как правило, в сооружении находилось несколько так называемых хозяйственных ям, которые, судя по находкам, использовались для хранения или утилизации продуктов. Практически в каждом жилище зафиксированы прокалы от очагов, количество которых варьируется от одного до нескольких. Более крупные располагались в центре, маленькие кострища — у стенки сооружения или у входа. Вероятно, большинство из этих очагов служили для обогрева и приготовления пищи. Так, в одном из них в жилище I на поселении Пахомовская Пристань I были обнаружены фрагменты сосудов и кости животных [Евдокимов, Корочкова, 1991, с. 50–51]. Не исключена и принадлежность очагов к бронзолитейному производству, о чем говорят многочисленные находки предметов, использовавшихся на разных его этапах, в границах жилищ (Заводоуковское 11, Оськино Болото), а также следы производства сплава в виде сплесков бронзы [Аношко, Агапетова, 2010]. На пахомовских селищах не обнаружено сооружений с четко определенной хозяйственно-производственной спецификой. С одной стороны, это может объясняться тем, что ни одно из представленных поселений не раскопано полностью, однако и по имеющимся данным не фиксируются металлургические площадки или места производства гончарных изделий, хотя обнаружено множество артефактов хозяйственного назначения.

Погребальный обряд является наименее изученным аспектом пахомовской проблематики из-за малого количества источников. Анализируя погребения населения, оставившего памятники пахомовской культуры, можно выделить ряд особенностей, позволяющих выявить общие и специфические черты. Во всем пахомовском ареале отмечаются сходные для размещения кладбищ места — на берегу реки или водоема. Практически во всех комплексах установлено расположение усопших перпендикулярно водоему. Погребения совершались под невысокими курганными насыпями. Во всех захоронениях на некрополях присутствует сопроводительный инвентарь, представленный прежде всего керамическими сосудами, которые (где это удавалось зафиксировать) помещались в изголовье. С целью определения сходных традиций в погребальной практике древнего населения эпохи поздней бронзы и носителей пахомовской культуры считаем возможным обратиться к ритуалам синхронных групп. Отдельные элементы обряда погребения можно обнаружить в федоровской и черкаскульской культурах на территории лесостепного Зауралья. В целом пахомовские погребальные традиции иллюстрируют процесс трансформации андроновских культов в позднебронзовые. Он протекал не одномоментно и был связан со многими факторами, воздействующими на культуру, от миграций и как следствие — ассимиляции или инвазии различных групп до изменений типа хозяйства и климата. Подробная характеристика погребального обряда приводилась ранее [Корочкова, 2009; Матвеева, Костомаров, 2009; Корочкова, 2010].

Керамика пахомовской культуры делится на три группы, которые в разных количественных пропорциях встречены практически во всех комплексах. Первая группа — небольшие сосуды приземистых форм, с округлым или приостренным венчиком, развитой геометрической орнаментикой, близкой по духу и, вероятно, происхождению андроновским федоровским мотивам. Вторая группа представлена сосудами горшечно-баночного типа или горшками с прямой шейкой, с округлым, реже — уплощенным венчиком. В орнаментике данной группы преобладают гребенчато-ямочные мотивы. Третью группу в Тоболо-Ишимском регионе представляют маленькие сосуды, в Прииртышье — неорнаментированные сосуды с воротничком. Комплекс керамики неоднороден, его анализ позволяет выделить локальные географические варианты, а также поднять вопрос о хронологии исследованных нами памятников. Обращает на себя внимание тот факт, что керамика с поселений Ишимо-Иртышского региона имеет четко определенные типы, а в некоторых случаях и виды. Деление комплекса, как правило, на две группы напрямую указывает на общность гончарных традиций с федоровскими. В то же время для большинства памятников Притоболья мы отмечаем однородный комплекс с незначительной группой керамики, облик которой сформировался под влиянием других культур региона. Пахомовскую посуду характеризуют следующие элементы декора: ямки различных видов, каплевидные вдавления, неглубокие каннелюры, насечки, слабовыраженные валики, оттиски наклонных и вертикальных отрезков, горизонтальные прочерченные и штампованные линии, горизонтальный и вертикальный зигзаг, «елка», сетчатые узоры, треугольники резные и штампованные, нисходящая «лесенка» из нескольких нисходящих каплевидных вдавлений в верхней части шейки, а также ромбы, оттиски скобы, уголкового штампа, заштрихованные ленты, реже меандры.

На пахомовских сосудах присутствуют элементы орнамента, присущие комплексам таких культур, как федоровская, сузгунская, еловская, раннеирменским (быстровским), отчасти — черкаскульским и алексеевско-саргаринским. Наиболее близка пахомовской по способам декорирования и морфологическим признакам сузгунская керамика [Потемкина и др., 1995; Полеводов, 2003]. На наш взгляд, необходимо более детально рассмотреть вопрос о сходстве и различии пахомовской посуды и керамики других групп населения.

В целом пахомовские гончары сохранили принципы и приемы орнаментации федоровского населения, выраженные в наличии двух определенных групп керамики, построении орнамента по косой сетке, использовании гладкого и гребенчатого штампов. Большая часть сосудов близка по форме федоровским. При этом андроновские мотивы комбинируются с гребенчато-ямочными, где различные ямки и вдавления выступают как отличительный признак. Это хорошо иллюстрируют комплексы поселений Пахомовская Пристань I и Ново-Шадрино VII. В свою очередь, можно отметить и черты, присущие черкаскульской культуре, которые встречаются на сосудах с пахомовских поселений, — валики и каннелюры. Однако эти элементы орнамента не столь явно выражены. Особенностью декора и техники его нанесения в отличие от культур андроновской общности является равноправное использование гребенки и гладкого штампа. При

Пахомовские древности Западной Сибири

этом гребенка на пахомовских сосудах значительно более частая и мелкая, нежели на черкакульских или федоровских.

С еловской керамикой пахомовскую сближают прежде всего формы сосудов. Наиболее близкие аналогии последняя находит во II группе, менее похожа на керамику III группы еловской культуры (по М.Ф. Косареву [1974]). Из общих элементов декора, сближающих стили орнаментации пахомовской и еловской посуды, можно выделить наклонные оттиски, заштрихованные ленты, упрощенные меандровидные узоры, ямки, сетку.

При сравнении пахомовской и ордынской керамики также можно найти идентичные черты. Ордынская керамика иногда имеет прямые аналоги в пахомовской. Практически одинаков набор элементов орнамента, техника исполнения, композиционные приемы. Отличает ордынскую присутствие треугольных фестонов, подобных еловским, что, на наш взгляд, является отражением культурной специфики Приобья. Помимо этого, посуда пахомовской культуры большей частью представлена хорошо профилированными горшками, тогда как ордынская — это вытянутые сосуды, иногда кувшинообразные емкости [Матвеев, 1993, с. 102].

Особенно важно понять, чем различается орнаментика пахомовской и сузгунской керамики, так как именно анализ декора позволяет расчленивать эти родственные, генетически преемственные культуры. Пахомовскую и сузгунскую керамику сближают в первую очередь элементы декора и формы сосудов. Однако есть отличительные моменты. Во-первых, сузгунская посуда не разделяется на гребенчато-ямочную и так называемую «нарядную». Сузгунские комплексы в этом отношении синкретичны и не имеют таких четко определенных групп, как пахомовские. Декор пахомовских сосудов более разнообразен и сложен по сравнению с сузгунскими. Можно сказать, что пахомовский орнамент ближе к андроновскому, так как сохраняет самобытные черты федоровского орнаментального стиля, сузгунская же керамика имеет «лесной» облик. Геометризм, характерный для пахомовского андронидного комплекса, развивается по линии унификации, поэтому меандровидные раппорты меняются на простые узоры из заштрихованных лент на сузгунской посуде. При этом доля таких элементов орнамента, как меандры, желобки, косые треугольники, насечки, сетка, на сузгунской керамике уменьшается либо они исчезают совсем, а такие элементы, как скоба, угловые вдавления, разнонаправленные наклонные отрезки, количественно возрастают. Соотношение приемов нанесения орнамента не изменяется, как и их набор. По форме сузгунские сосуды более крупные, чаще встречаются емкости с сильной профилировкой, иногда даже с прямой и сильно отогнутой шейкой. Особо можно отметить такую группу сосудов, как приземистые круглодонные горшки, абсолютно не характерную для пахомовской культуры.

Нами был произведен анализ соответствий пахомовских керамических комплексов. Коллекции пяти памятников анализировались в 39-мерном таксономическом пространстве — по количеству выбранных для описания признаков. Процедура позволила выделить несколько групп керамики в общей проанализированной выборке. Результат представлен в виде двухмерного графика, который показал следующее. Первую группу составили керамические коллекции поселений Пахомовская Пристань I, Ново-Шадрино VII. Вторая группа представлена материалами поселений Усть-Китерья I и IV (рис. 2). Комплекс поселения Большой Имбиряй 10 не вошел ни в одну из этих групп.

Поселения Усть-Китерья I и IV группируются по показателям неорнаментированного сосуда, «жемчужника», вертикальных оттисков и зигзага, меандров и воротников. Другая группа поселений, а именно Пахомовская Пристань I, Ново-Шадрино VII, объединились в группу по следующим признакам: каннелюра, валик, фигурный штамп, прочерчивание, горизонтальный зигзаг, нисходящая «лесенка», гребенчатый штамп, сетка, ямки круглые, насечки.

Данные результаты могут свидетельствовать о хронологических и территориальных особенностях сравниваемых памятников. Так, уже при сравнении керамики селищ Пахомовская Пристань I и Ново-Шадрино VII выявилась их близость по составу композиций декора, формам сосудов, приемам орнаментики, что, в свою очередь, говорит о возможности формирования этих комплексов в одной культурной среде. Наиболее близким к ним оказался материал поселения Большой Имбиряй 10, но он не попал в эту группу, что вполне объяснимо с точки зрения влияния на способы орнаментики пахомовских сосудов стилистических решений другой группы, черкакульской. Группа памятников Прииртышья — Усть-Китерья I и IV обособились по территориально-хронологическому признаку, с уклоном в специфику древней культуры своего региона.

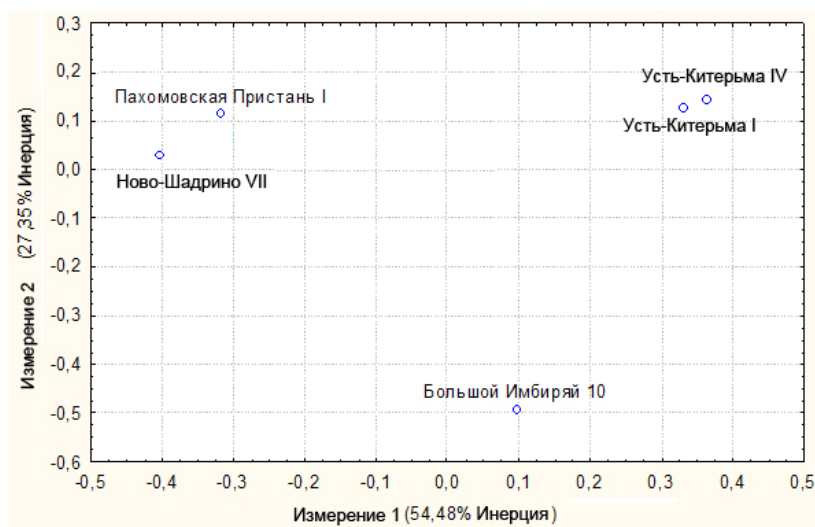

Рис. 2. Двухмерный график анализа соответствий керамики поселений пахомовской культуры

При всем вышесказанном, пахомовский декор легко узнаваем среди других материалов. Как показывает опыт исследований, практически во всех случаях определяется наличие пахомовского слоя и его отличают от бархатовского, сузгунского, федоровского и пр. [Косарев, 1993; Матвеев, 2000; Полеводов, 2003; Молодин и др., 2003; Корочкова, 2009, 2010]. Это дает нам основание считать декор сосудов пахомовской культуры уникальным и самостоятельным в своем развитии (рис. 3, 4).

Говоря об *экономической специфике* пахомовской культуры, на основе анализа имеющихся в нашем распоряжении источников можно конкретизировать вывод о комплексном хозяйстве пахомовского населения, сочетавшем скотоводство, охоту и рыболовство, а также ряд производств. При этом нам удалось установить, что соотношение обозначенных отраслей на селищах не одинаково. Так, на памятниках Притоболья среди прочего инвентаря преобладают керамические грузила, что отражает большую роль рыболовства в структуре хозяйства местного пахомовского населения. Общая специфика скотоводства проявилась в увеличении в составе стада мелкого рогатого скота и лошади и уменьшении количества крупного рогатого скота. Но и эти показатели разнятся. На наш взгляд, зафиксированные локальные особенности могут объясняться отличающимися конкретными условиями проживания носителей пахомовских традиций на различных территориях. Во всем ареале пахомовские группы взаимодействовали с инокультурным населением (черкаскульским на западе, алексеевско-саргаринским на юге и юго-востоке), что и отразилось в хозяйстве. Такая неоднородная картина является отражением общей историко-культурной ситуации на территории Зауралья в позднем бронзовом веке.

Инвентарь с пахомовских поселений в технологическом и функциональном отношении находится аналогии в материалах федоровской, черкаскульской, сузгунской, еловской культур эпохи бронзы. В ходе исследования были выделены орудия, использованные на разных этапах металлообрабатывающего, кожевенного, керамического производств. Население пахомовской культуры вело комплексное хозяйство, которое полностью обеспечивало его продуктами питания, сырьем для изготовления одежды и утвари. Все элементы экономики пахомовских групп тесно взаимосвязаны и в совокупности обуславливали успешную адаптацию и выживание населения на занимаемых им территориях [Корочкова, 2009; Матвеев и др., 2009].

Еще одним аргументом в пользу положения о самостоятельности пахомовских древностей можно считать отсутствие памятников сузгунской культуры в Тюменском Притоболье, где пахомовское население сменяется бархатовским. В Приишимье и Прииртышье имеются однослойные пахомовские памятники, что также позволяет говорить о самостоятельном в культурном отношении населении. А.В. Полеводов указывает на *различие* пахомовских, сузгунских и позднесузгунских памятников в Прииртышье по данным типологического и статистического анализа и отмечает, что «результаты планистратиграфических наблюдений подтверждают более древний возраст пахомовских комплексов над сузгунскими, позднесузгунскими, ирменскими и барха-

Пахомовские древности Западной Сибири

товскими» [2003, с. 16]. Это противоречит основным выводам его исследования, и тем не менее он все-таки терминологически и практически выделяет отдельную — пахомовскую группу (ранне-сузгунский (пахомовский) этап в терминологии А.В. Полеводова. — *Авт.*).

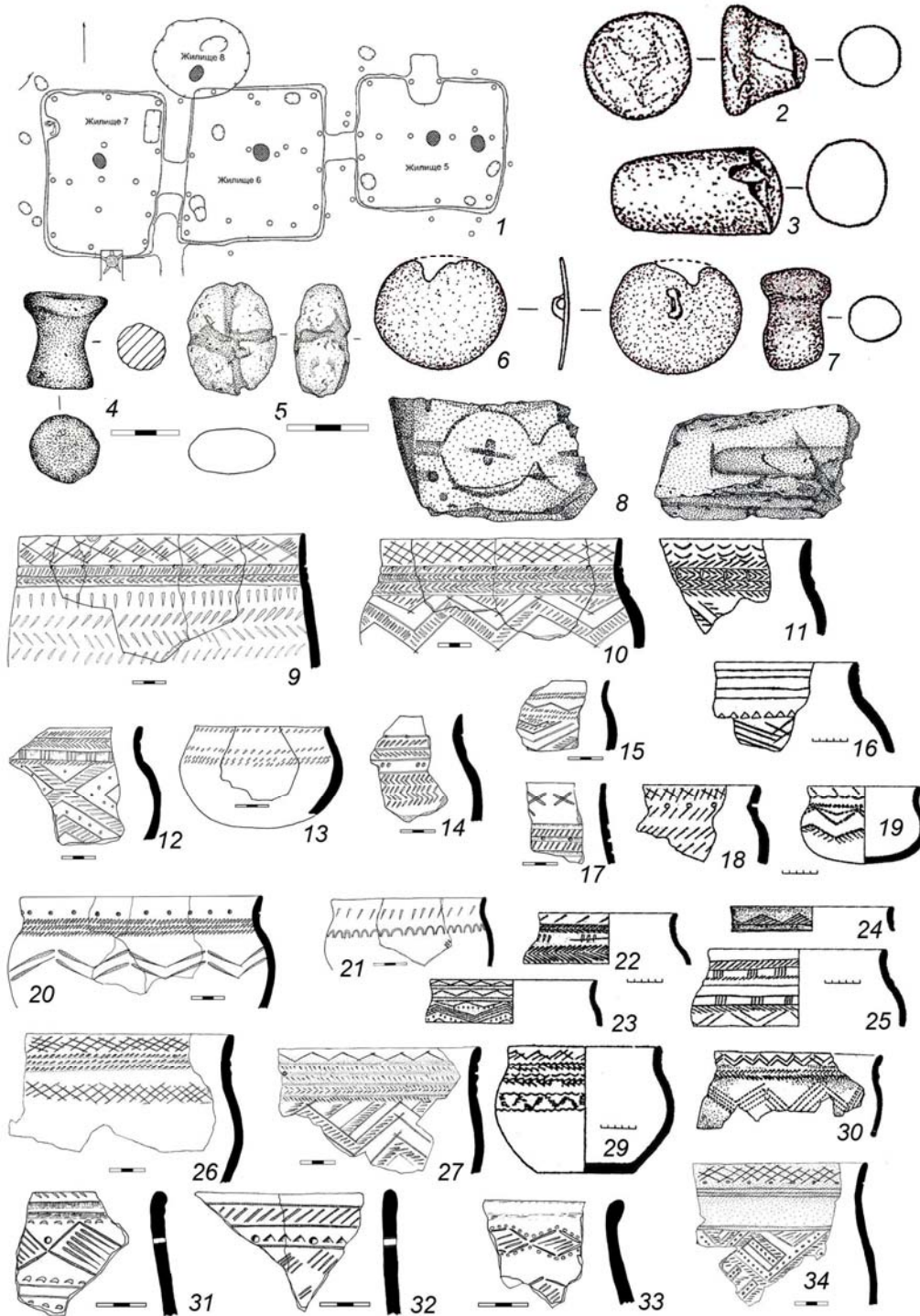

Рис. 3. Пахомовские и черкаскульские древности Тоболо-Исетья:

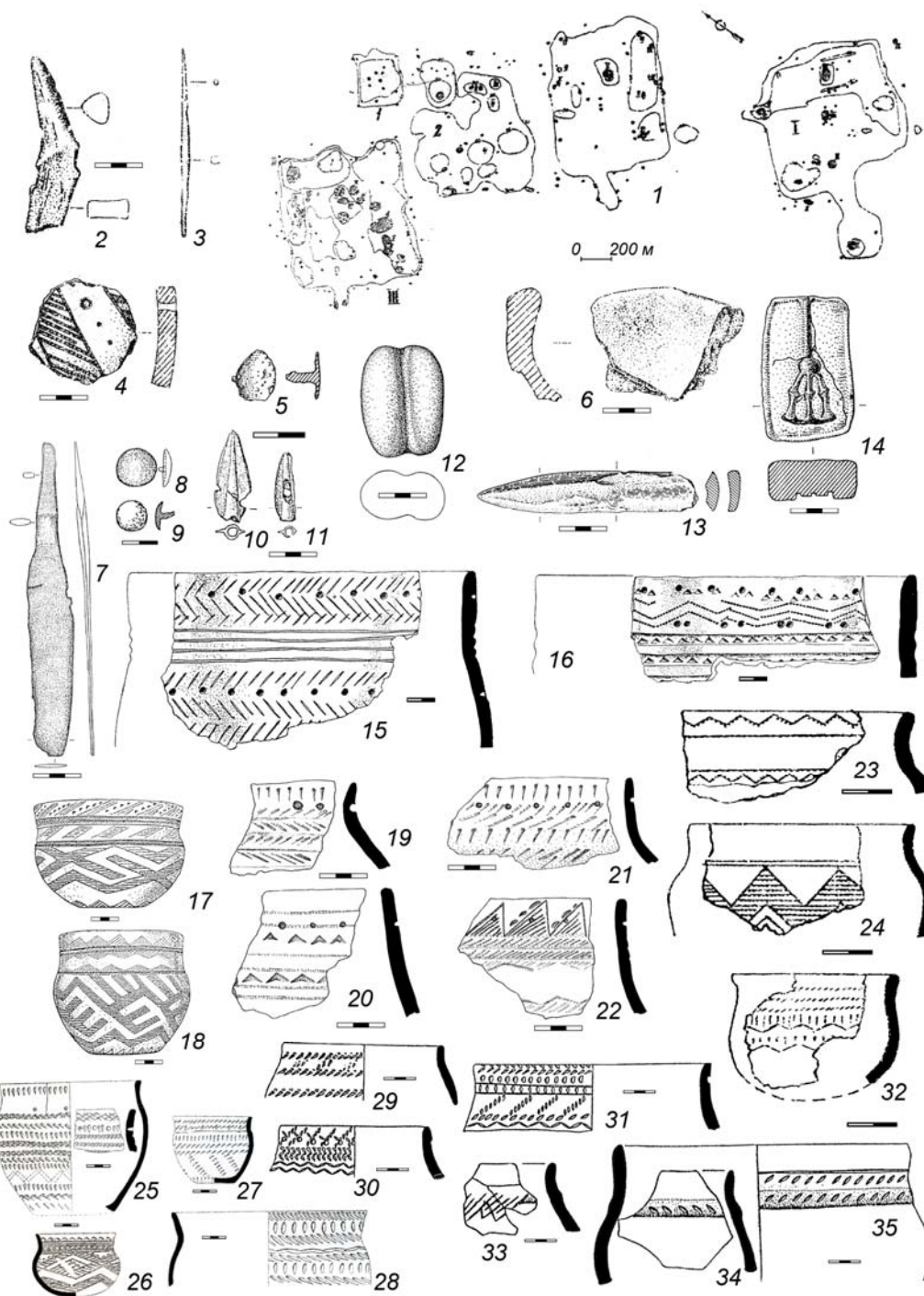
1–3, 6, 7, 11, 16, 18, 19, 22–25 — поселение Оськино Болото (по А.А. Ткачеву, Н.А. Ткачевой [2006]);

4, 5, 8–10, 12–17, 31–33 (черкаскульская культура) — поселение Большой Имбиряй 10;

20, 21 — поселение Хрипуновское 1;

29, 30 — Ук III (по Л.Н. Коряковой, О.Н. Корочковой, В.И. Стефанову);

26, 27, 34 — поселение Ново-Шадрино VII: 2–5, 7, 9–34 — глина, 6 — бронза, 8 — камень

Рис. 4. Пахомовские древности Ишимо-Иртышья:

1–4, 19–22 — поселение Пахомовская Пристань I (план и инвентарь по В.В. Евдокимову, О.Н. Корочковой);
 7, 10, 11, 29–35 — поселение Жар-Агач I (по С.В. Сотниковой); 23, 24, 32 — поселение Прорва (по В.В. Евдокимову,
 В.И. Стефанову); 5, 6, 14, 13, 15, 16 — городище Инберень IV (по Л.Н. Коряковой, В.И. Стефанову);
 12, 25–28 — поселение Алексеевка XXI (по Л.В. Татауровой, А.В. Полеводову, А.Я. Труфанову),
 8, 9, 17, 18 — Черноозерский II могильник (по В.Ф. Генингу, В.И. Стефанову):
 2, 6, 13 — кость; 3, 5, 7–11 — бронза; 14 — камень; 4, 12, 15–35 — глина

Пахомовская культура сформировалась на андроновской федоровской основе, а сузгунские традиции оформились гораздо позднее уже на пахомовской основе. О самостоятельности па-

Пахомовские древности Западной Сибири

хомовской культуры говорит и тот факт, что ареалы рассматриваемых культур накладываются друг на друга только в зоне Ишимо-Иртышья, тогда как в Тоболо-Ишимье памятники сузгунской культуры в лесостепной и степной полосе отсутствуют и сменяются селищами бархатовской культуры [Матвеев, 2000; Аношко, 2006]. Важно понимать, что пахомовские традиции формируются не как собственно продолжающие федоровскую линию развития, а как культура двухкомпонентная. В свою очередь, сузгунская культура складывается на уже оформленных пахомовских традициях и начинает эволюционировать и продвигаться в южно-таежные районы Прииртышья, где и приобретает окончательный облик. На наш взгляд, нельзя исключать пахомовское население из круга культуuroобразующих сузгунских компонентов. Помимо этого, на пахомовской основе формируются комплексы бархатовского типа, и вполне вероятно участие пахомовского субстрата в культурных процессах в Приобье и районах степной полосы Северной Азии.

Имеющийся в нашем распоряжении источниковый фонд позволяет нам реконструировать *территориальные связи* носителей пахомовской культуры на западных, восточных и южных границах ареала. Данные связи были обусловлены как естественной хозяйственной экспансией, так и продвижением под влиянием социальных и экологических факторов. Достоверно зафиксировано сосуществование черкакульских и пахомовских общин (Ново-Шадрино VII [Корочкова, 2009], Хрипуновское 1 [Костомарова и др., 2011], Большой Имбиряй 10). Материалы поселения Большой Имбиряй 10 позволяют говорить об этом взаимодействии с полной уверенностью. Стратиграфия поселения представлена пятью слоями. Вероятнее всего, раскопанная часть селища являлась зольником. Слой грязно-желтой зольной супеси обозначен нами как зольник, так как был рыхлый и содержал золу, в нем сосредоточено около половины всех находок керамики и костей животных. Также в нем обнаружены следы прокаленной глины, выброса суглинки, производимого при строительных работах, небольшие скопления угля. Все находки и анализ структуры слоя свидетельствуют об использовании этой части поселения для складирования отходов жизнедеятельности. Помимо этого, соотношение по слоям пахомовской и черкакульской керамики составляет от 40 до 60 % в зависимости от слоя.

Мы считаем, что контакты вышеуказанных групп носили мирный характер, так как не зафиксировано укрепленных селищ черкакульской культуры. Почвой для мирного сосуществования были гармоничные экономические отношения, выраженные в дифференцировании зон природопользования. Носители пахомовской культуры, со своим охотничье-рыболовческим (скотоводческим в меньшей степени, чем андроновский) укладом хозяйства, освоили участки леса и побережья крупных водоемов, не занимая экологической ниши населения черкакульской культуры, которому был присущ скотоводческий тип хозяйства [Матвеев, 2007]. Данный симбиоз присваивающего и производящего типов хозяйства этих групп населения обусловил приемлемое использование одной территории на основе чересполосного проживания. Также характер взаимоотношений определяла общая андроновская подоснова, в одном случае имевшая свое логическое продолжение, в другом же переработанная вследствие активных контактов с носителями гребенчато-ямочных традиций. Бархатовская культура унаследовала формы ведения хозяйства пахомовского населения. Декор бархатовских сосудов отражает синкретизм пахомовской и черкакульской орнаментики [Матвеев, Аношко, 2009]. В свою очередь, в районах Прииртышья на пахомовской основе складываются группы сузгунского населения, продвигнувшиеся по течению Иртыша в северном направлении. Однако при формировании сузгунских традиций гребенчато-ямочный компонент усилился, что, по мнению А.В. Полеводова, связано с ренессансом древних автохтонных традиций [2003, с. 18]. Но остается неясным сам механизм этого возрождения столь древних компонентов: являлся ли он реакцией на меняющуюся историко-культурную ситуацию или же все-таки был привнесен извне вследствие контактов пахомовской и иных групп населения. Что касается южных связей, то на данный момент мы не можем проследить, каким образом повлияли пахомовские группы на саргаринские и бегазинские традиции, так как контакты имели взаимопроникающий характер, что, скорее всего, выразилось в смешанных комплексах типа Жар-Агач. Маловероятно, что пахомовские традиции были восприняты основной массой населения степи, по причине достаточно устойчивых традиций последних и кратковременности первых. Очевидно, что пахомовская культура была лишь некоторым этапом, связавшим культуры андроновской семьи и так называемого межовско-ирменского пласта в рамках XIV–XII вв. до н.э. В то же время носители пахомовских традиций находились в постоянных и активных контактах. Так как характер связей и их направление опреде-

ляло дальнейшее развитие традиций андроновской орнаментики, то мы можем характеризовать пахомовскую культуру как открытую для постоянных изменений. Вместе с тем различная культурная среда исключила конвергентное развитие культуры в целом, что привело к образованию сходных по облику культур эпохи финальной бронзы.

Отдельного изучения требует вопрос присутствия пахомовских комплексов в Барабе. Уникальные материалы могильников Гришкина заимка и Старый Сад позволят по-новому оценить степень распространения пахомовских групп [Молодин, Нескоров, 1992; Молодин и др., 2006]. Появление новых пахомовских материалов, возможно, позволит внести коррективы в существующие концепции ее развития, дать более развернутую характеристику культуругенеза населения в постандроновскую эпоху.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аношко О.М.* Бархатовская культура позднего бронзового века Зауралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2006. 25 с.
- Аношко О.М., Агапцова Т.А.* Новые данные по пахомовской культуре в Тоболо-Исетье // Андроновский мир. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2010. С. 118–136.
- Генинг В.Ф., Стефанов В.И.* Могильники андронидной культурной общности Ишимской лесостепи // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991. С. 52–60.
- Грязнов М.П.* К вопросу о культурах поздней бронзы в Сибири // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 27–42.
- Евдокимов В.В., Корочкова О.Н.* Поселение Пахомовская Пристань I // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень, 1991. С. 50–63.
- Корочкова О.Н.* Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. 26 с.
- Корочкова О.Н.* Андронидные культуры Западной Сибири // Тез. докл. XII УАС. Екатеринбург, 1993. С. 93–95.
- Корочкова О.Н.* Пахомовская культура // Археология, этнография, антропология Евразии. 2009. № 3. С. 75–84.
- Корочкова О.Н.* Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андронидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. 104 с.
- Косарев М.Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974. 167 с.
- Косарев М.Ф.* Из древней истории Западной Сибири: Общая историко-культурная концепция // Российский этнограф. 1993. Вып. 4. С. 63–65
- Костомаров В.М.* Пахомовские древности Западной Сибири: культурная атрибуция, хронологическая и территориальная локализация: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 26 с.
- Костомарова Ю.В., Костомаров В.М., Зевайкина И.С.* Результаты исследования селища Хрипуновское 1 — нового памятника эпохи поздней бронзы и раннего железного века на территории лесостепного Приобья // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. Вып. 3. С. 4–32.
- Матвеев А.В.* Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993. 181 с.
- Матвеев А.В.* Лесостепное Зауралье во II — начале I тыс. до н.э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000. 50 с.
- Матвеев А.В.* Черкаскульская культура Зауралья // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Вектор Бук, 2007. Вып. 1. С. 4–41.
- Матвеев А.В., Чукунова И.Ю.* Поселение Ботники 1в на Нижней Исети // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. Вып. 2. С. 44–50.
- Матвеев А.В., Аношко О.М., Костомаров В.М., Рыжкова Ю.В.* Большой Имбиряй 10 — новый памятник пахомовской культуры в Ингальской долине // Словцовский чтения-2003. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2003. С. 55–57.
- Матвеев А.В., Аношко О.М.* Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень, 2009. 416 с.
- Матвеев А.В., Костомаров В.М., Костомарова Ю.В.* К характеристике хозяйственной деятельности носителей пахомовской культуры лесостепного Зауралья // Вестн. ТюмГУ. 2009. Вып. 7. С. 3–14.
- Матвеева Н.П., Костомаров В.М.* К вопросу об особенностях погребального обряда населения пахомовской культуры лесостепи Западной Сибири // Вестн. ТюмГУ 2009. Вып. 4. С. 14–24.
- Молодин В.И., Нескоров А.В.* О связях поселения Западно-Сибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения, 1990. М., 1992. С. 93–97.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др.* Заключительный год полевых работ на городище Чича-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. Т. 9, ч. 1. С. 428–435.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Элов М.И. и др.* Работы Западно-Сибирского и Барабинского отрядов ИАЭТ СО РАН в Барабе и на Алтае // АО 2004 г. 2006. С. 444–445.

Пахомовские древности Западной Сибири

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища / Под общ. ред. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. Кн. 1. 490 с.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 2003. 30 с.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). М.: ПАИМС, 1995. 207 с.

Сотникова С.В. Поселение Жар-Агач I // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Западной Сибири. Омск, 1986. С. 43—55.

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Л., 1927. Т. 3, вып. 2.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. 4, вып. 2.

Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Культурные комплексы поселения Оськино Болото (по материалам раскопок 2005 г.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. 2006. № 7. С. 241—248.

*Тюменский государственный университет

ihs-utmn@yandex.ru

**Тюмень, ИПОС СО РАН

vkostomarov@yandex.ru

The article describes the authors' basic provisions regarding questions of the Pakhomovo culture. It describes the totality of material obtained during investigations of Late Bronze sites in West Siberia, specifying the area and details of the population settlement, as well as citing data on pottery and cultural indicators of the Pakhomovo antiquities.

The Pakhomovo culture, Low Tobol area, Low Irtysh area, pottery, ornamentation, stylistic analysis, statistical analysis, cultural genesis, correlation of groups, specificity of culture.